

Я стоял рядом с могилой и бездумно смотрел в её разъявленную пасть, одинаково равнодушно принимающую в своё тёмное нутро всех. И хороших людей, и плохих, и гениев, и дураков, и трусов, и героев. Она уравнивает всех, не сортирует никого, укладывает всех рядком и успокаивает самую мятущуюся душу. Вот и сейчас, когда расторопные мужики перестанут размахивать лопатами, она сомкнёт свои челюсти над очень хорошим и добрым человеком. Мы прощались с бабой Машей, бабушкой моей жены, которую она очень любила. И я совершенно был уверен в том, что она любила бабушку больше, чем своих родителей.

Послышался дробный стук земли по крышке гроба, и, очнувшись от невесёлых мыслей, я посмотрел в пасмурное небо. Тучи ползли низко и тяжело, с трудом перекатывая свои серые глыбы над кладбищем, и казалось, что самой природе не нравилось то, что сейчас здесь происходило. Грустно усмехнувшись своим мыслям, подумал: «Наверное, баба Маша пообещала природе, что будет жить вечно, но обманула её! Взяла и умерла, перестала быть в этой жизни. Вот природа и хмурится, тучи гоняет, только почему-то не плачет, несмотря на то, что всё к этому располагает».

Сообразив, что таким нелепым мыслям в таком месте и в такой час не место, я вздохнул и посмотрел на жену, стоящую чуть впереди меня возле самой могилы. Как будто почувствовав мой взгляд, Марина повернулась, и я увидел, что она тоже не плакала, её и без того большие глаза стали ещё больше, лицо заострилось и застыло, словно маска. Марина несколько секунд смотрела мне в глаза, потом медленно отвернулась и опять уставилась в яму.

Медленно тянулись минуты, могила становилась всё мельче и мельче и, наконец, превратилась в аккуратный холмик, который сиротливо возвышался над отведённым ему местом.

— Всё, хозяйка. Мы закончили, — сказал, подходя к Марине, мужчина в униформе похоронного бюро. — Может быть, вам ещё какая-нибудь помощь нужна?

Марина перевела блестящие глаза на мужика и смотрела так, словно не понимала, почему он лезет к ней со своими глупыми вопросами в такой момент.

— Нет, спасибо. Всё в порядке. Помощь нам больше не нужна, — сказал я, вставая между женой и похоронным специалистом. — Мы вам что-то ещё должны? — уставился я в глаза мужику.

— Нет. Вы уже за всё рассчитались. Примите наши соболезнования.

И мужчина, коротко кивнув головой, пошёл по своим делам. Я ещё несколько секунд смотрел ему вслед, а потом положил руку на плечи жене и заставил пойти со мной, иначе она будет тут торчать неизвестно как долго.

Родители Марины, её лысый старший брат с женой, её тётка со своим мужем терпеливо ждали нас возле машины. Когда мы подошли, тётка слезливо затараторила:

— Ох! Мариночка! Солнышко моё! Мне так жалко! Так жалко! Она была таким хорошим человеком!

Марина движением плеч освободилась от моей руки и, подойдя к тётке почти вплотную, хрипло спросила:

— Ты хочешь сказать, что после смерти бабушка перестала быть хорошим человеком?

Несчастливая тётка стояла, открывая и закрывая рот, не зная, что ответить. Марина обвела своих родственников тяжёлым застывшим взглядом, и мне вдруг стало ясно: они все её боятся! Значит, несколько лет назад мне не показалось, что в её присутствии и её мама, и папа, да и прочие родственники ведут себя как пришибленные. А вот теперь я в этом точно убедился. Вон как они назад подались, когда она на них посмотрела.

К слову сказать, этих людей можно было понять. Характер у Марины был не то что железный — он у неё был титановый! И она всегда добивалась того, чего хотела. Она, собственно, и меня-то на себе, можно сказать, силой женила! Хотя, если посмотреть на меня — а я гораздо выше среднего роста и с весом в центнер, — в это не очень-то и верилось, так как Марина в своё время вплотную занималась танцами и имела тонкую и гибкую фигуру. Но тем не менее это так! Она, не шибко-то интересуясь моим мнением и тем более мнением окружающих её родственников, взяла меня за шиворот и притащила в загс. А я и не сопротивлялся. И не потому, что она была богатым человеком, а по вполне банальной причине. Я её люблю!

— Доченька! Хорошая моя! Нам всем очень жаль, но нам надо о многом поговорить, — заискивающе зашебетала моя тётца, промокая платочком сухие глаза.

Ни для кого не было секретом, что со своей свекровью они не ладили изначально, а безвольный сынок ничего не мог с этим поделать.

— Давай, моя хорошая, завтра соберёмся дома у мамы и всё обсудим.

Марина коротко взглянула на мать и, кивнув головой, пошла к своей машине.

— Приезжайте часов в одиннадцать, — сказал я, подходя к тестю и протягивая ему руку, прощаясь. — Думаю, за ночь она сможет прийти в себя.

Тесть кивнул, пожал мне руку и, подхватив под руку жену, повёл её к машинам. Они сейчас поедут в кафе и будут поминать бабу Машу там. А мы с Мариной поедем к бабе Маше домой и будем вспоминать её там вдвоём.

Я с Мариной познакомился лет пять назад, совершенно случайно. Возвращался после обеда пешком в отдел — и вдруг услышал крики и визг из какого-то административно-го здания и тут же увидел, как из распахнувшихся дверей выскакивают служащие и разбегаются в разные стороны. Как работнику полиции, тем более оперу, мне стало чрезвычайно интересно, кто там буянит. Поднявшись на крыльцо, открыл солидную дверь из резного дерева, вошёл в большой холл. В этом красивом просторном помещении на мраморном полу лежали человек шесть мужчин и женщин и слушали что им орал стоящий возле них мужик. Мужик был как мужик, если не учитывать того, что у него в руках был нехилый такой нож.

Я тяжело вздохнул: всё как всегда. Страна ждёт героев, а рождаются идиоты! Поэтому, пожав плечами, не задерживаясь, потопал к мужику. Дядька увидел меня, вытянул в мою сторону свой тесак и заверещал:

— Запорю, гад! Стой!

Но на меня его вопли не произвели никакого впечатления, и тогда он начал прыгать и размахивать ножом. Глядя на его ужимки, можно было безошибочно определить, что мужик в своей жизни ножом резал только колбасу, и то варёную! Нож он держал неуклюже, и я не на шутку забеспокоился, как бы он сам себя не зарезал! Подойдя к мужику так, чтобы случайно не попасть под мельтешение лезвия, я спросил, придерживаясь самых лучших традиций фильма «Операция „Ы“»:

— Милейший! Вы не подскажете, как пройти в библиотеку?

Мужик перестал размахивать ножом и удивлённо спросил:

— Куда пройти?

— В библиотеку, — терпеливо повторил я и взял мужика за запястье руки, которая сжимала нож. Просто быстро протянул свою руку и ухватил.

Недоделанный террорист сразу даже не понял, что произошло, он раз попробовал выдернуть руку, два, ничего не

получилось, и когда он наконец-то осознал, что попался, я его ударил костяшками пальцев в шею. А когда, перевернув отключившегося мужика на живот, надевал на него наручники, слышался женский смех и голос:

— В библиотеку он собрался! С ума сойти!

Я посмотрел в ту сторону и увидел, что с пола поднимается красивая молодая женщина. Поднявшись, женщина отряхнулась и, подойдя ко мне, спросила:

— Вы полицейский?

Я, закончив валять мужика мордой по полу, встал и кивнул головой. Женщина постояла несколько секунд, разглядывая мою физиономию, а потом вдруг улыбнулась и сообщила:

— У меня сегодня работа закончится в шесть часов!

Я, всё так же ни слова не говоря, кивнул. Она постояла ещё несколько секунд, продолжая разглядывать меня, а потом пошла в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Однако, пройдя шагов пять, остановилась и, обернувшись ко мне, проговорила:

— Вы ведь придёте?

Я кивнул.

Наша встреча закончилась в постели, к общему удовлетворению! С тех пор мы уже не расставались. Я с удовольствием перебрался в Маринину квартиру и с ещё бóльшим удовольствием, ничуть не смущаясь, пользовался благами богатой женщины! А когда она спросила меня, возьму ли я её в жёны, я, не задумываясь, кивнул и не стал сопротивляться, когда Маринка, взвизгнув, вцепилась мне в руку и не выпускала до тех пор, пока мы не добрались до самого страшного для мужиков места! Нас расписали сразу же, она договорилась, и я стал, на зависть окружающим, мужем «бизнес-леди», продукция предприятий которой пользуется бешеным спросом на государственном уровне.

Свою фирму организовал дед Марины ещё в «мутные» девяностые годы. Он, будучи довольно известным учёным, быстро просчитал все плюсы катастрофы, в которую вляпали стану тогдашние правители, и взялся за дело. Лет через двадцать дела Маринкиного деда завершились созданием

мощного предприятия, имевшего несколько филиалов по всей стране. И сразу же после того, как Марина поступила в университет, дед подтянул её к себе, и она одновременно с обучением училась руководить и его фирмой. После того как Марина закончила обучение, дед практически отошёл от дел. А потом у нас родился сын. Но дед недолго нянчился с ним — через год он умер.

Своих сына и дочь дед к делам фирмы и близко не подпускал, обеспечил их более-менее приличной работой, платил хорошую зарплату, и на этом всё. Разумеется, он любил своих детей, но он также прекрасно осознавал, что сын из-за мягкости характера и слабовольности развалит всё, что он столько лет создавал. Ну а дочь точно так же всё уничтожит, но уже из-за вздорности и склочности натуры и обыкновенного отсутствия образования — школу моя тёща закончила еле-еле. И вот теперь, через два года, мы похоронили уже и бабушку Марины. И остались, можно сказать, втроём: я, Марина и наш трёхлетний сын.

Родственники прибыли идеально, без пяти одиннадцать. Мы сидели на террасе и ждали их, сидели молча, говорить не хотелось. Марина тяжело пережила эту ночь, она, в конце концов, заплакала! Она сидела в бабушкиной комнате, в кресле, запрокинув вверх лицо, и смотрела в большое окно, а из её глаз катились слёзы. Так продолжалось несколько часов, потом я поднялся к ней, взял её на руки и унёс вниз, в холл, где положил на диване, укрыв одеялом, и она уснула.

Открылась калитка, и к дому один за другим гуськом потянулись претенденты на дедово наследство. Я хмыкнул: «Сюрприз, однако, будет!» За Марину можно было уже не беспокоиться, она полностью пришла в себя, чему я, собственно говоря, и не удивился, с её-то характером. Слабой женщиной она становилась только в моём присутствии, и, чего греха таить, мне это нравилось. Мне нравилось то, что эта женщина, которую побаивались все — и родственники, и служащие, становилась ласковой и нежной в руках эдакого брутального «мачо», как я.

Семейка подошла, расселась, причём стулья и скамейки им пришлось таскать со всего двора самим, у нас заниматься этим желания не было. Вместе с этой командой прибыли какие-то два худосочных мужичка, которые до поры до времени топтались в сторонке и к нам не подходили.

Тёща повозилась, удобнее устраиваясь в плетёном кресле, и начала:

— Доченька, я прекрасно понимаю, что сейчас, может быть, не время говорить о делах, но мы вынуждены это делать, так как папино предприятие не должно оставаться без хозяина! Если мы будем тянуть с этим, без руководства разрушится производственный процесс и наша семья понесёт значительные убытки!

— Да, мама, — спокойно согласилась Марина, — если у предприятия нет руководителя, убытки неминуемы.

— Вот и прекрасно, милая! Я очень рада, что ты это понимаешь! — буквально подпрыгнула от радости моя тёща.

Она явно готовилась к долгим и нудным уговорам, а тут вдруг — бац, и любимая доченька согласилась.

— Мы пригласили с собой адвокатов, которые уже подготовили первоначальные документы о нашем долевом участии в папином предприятии и...

— И вы напрасно побеспокоили занятых людей, — устало сказала Марина и откинулась на удобную спинку точно такого же кресла, на котором устроилась её мама.

— Ну почему же напрасно? — искренне удивилась тёща. — Ты же сама согласилась с тем, что без руководства...

— А кто вам сказал, что у моего предприятия нет хозяина? — спросила Марина и, не мигая, уставилась в глаза матери.

— Но мы ведь ещё даже не начали обсуждать, кто будет управ... — начала было тёща, но осеклась.

До неё наконец-то дошло, о чём говорила дочь.

— Но как же... мама ведь уже умерла! А она была последней...

— Бабушка никогда в своей жизни ничем не владела! Она даже этим домом не владела, она была в нём только зарегистрирована.

— Да... но... папа говорил, что всё, что у них есть, принадлежит маме!

— А он и не обманывал, — хмыкнула Марина, — всё принадлежало им, и бумаг им для этого не надо было!

— Ну хорошо, пусть так, — согласилась тёща. — Это не освобождает нас от обязанностей по управлению папиной фирмой, мы его единственные родственники и поэтому мы должны...

— Вы ничего никому не должны! И вам никто ничего не должен! — опять сухо перебила мать Марина и перевела взгляд на отца.

— Всё, что было у деда, теперь принадлежит мне! — Марина обвела взглядом всех в прямом смысле слова открывших рот родственников. — Мне! — жёстко повторила она. — И только мне! Хозяйка всего — я! Без всяких компаньонов и совладельцев. У меня есть заместители здесь и заместители, управляющие филиалами! Они помогают мне в работе. Дед ещё три года назад переписал на меня всё! Даже этот дом!

Марина наклонилась и не глядя взяла с журнального столика чёрную кожаную папку. Потом посмотрела в сторону нерешительно топчущихся адвокатов и сказала:

— Господа! Прошу вас ознакомиться и сказать, что вы об этом думаете.

Самый старший из них подошёл, взял из рук жены папку, открыл её и начал прямо стоя читать бумаги, по мере прочтения он передавал бумаги второму. Минут пять были слышны только шелест документов и тяжёлое дыхание одуревших от тяжкой новости родственников. Наконец старший произнёс:

— Безупречно! Работали специалисты высочайшего класса! Примите мои поздравления! — и он поклонился в сторону Марины. — А что касается ваших родственников, то они являются только вашими наёмными работниками, и

не более того. Если, конечно, вы не пожелаете что-то изменить в их статусе.

И он положил папку на столик, которую я сразу же забрал себе. Мало ли что кому в голову взбрёт? Оба адвоката попрощались и пошлёпали на выход. Всё!

Жить мы остались в этом старом доме, где Марине всё напоминало о бабушке. Мне сначала показалось это неразумным, но потом я подумал и решил, что жена знает, что делает, и не с моей толстокожестью вникать в столь тонкую материю памяти. Это был не дом, это была сказка! Старинный, ещё дореволюционной постройки, из вечного кирпича, который со временем не крошился. С правой стороны от крыльца располагалась большая терраса, огороженная каменными перилами. В дом вели большие двойные двери, из которых попадаешь в большую прихожую, из которой справа и слева были выходы в большую гостиную, справа от которой находилась большая кухня, вдоль двух стен которой тянулся современный кухонный гарнитур со всевозможными встроенными «примочками». Посредине кухни стоял большой стол, накрытый бежевой холщовой скатертью, вокруг которого стояли четыре тяжёлых стула. И совершеннейшим архаизмом смотрелся люк в подвал, размером примерно метр на метр, который закрывался не крышкой, а досками.

Подвал был большой, метра четыре в глубину и площадью, наверное, метров двадцать! Вдоль стен он был заставлен мощными полками, на которых хранились банки с солониной и прочими прелестями загородной жизни. Слева от гостиной находилась гостевая комната, рядом с которой была лестница, ведущая на второй этаж. На втором этаже, прямо с лестницы, начинался широкий коридор, в котором были всего три двери, ведущие в три комнаты — две спальни и кабинет между ними.

Прошёл уже месяц, как мы жили в бабкином доме, уже стали сглаживаться из памяти незабываемые впечатления от истерики, которую закатили Маринкины родственники.

Она слушала их визг и изредка морщилась от особенно громких завываний. Это продолжалось минут двадцать, потом она молча встала, зашла в дом и закрыла за собой дверь изнутри. Родственники ещё минут пять завывали, но я так понимаю, что это было рассчитано уже только на меня. Но, как я уже говорил, я существо толстокожее, поэтому сидел в кресле и даже не пытался делать вид, что сочувствую им. Однако, чтобы не выглядеть совсем уж законченным циником, периодически тяжело вздыхал и сокрушённо качал головой. Им в конце концов надоело смотреть на мои ужимки, и они как-то разом тесной кучкой покинули меня.

Несмотря на то, что мне безумно нравился этот дом, у меня не получалось за ним следить, он буквально на глазах стал разваливаться. Не в прямом смысле, конечно, но дом стал рассыпаться по мелочам. Начали скрипеть двери, они перестали нормально открываться, как, впрочем, и окна. Как грибы после дождя, стали появляться гвозди и всевозможные шурупы. Начала отваливаться краска, треснули и закрипели полы. Я держал под рукой молоток и плоскогубцы и занимался только тем, что ходил по всему дому и ликвидировал этот кошмар.

Так прошёл ещё месяц, у меня уже заканчивалось терпение, но вопрос решила Маринка, когда она увидела, как я ползаю по кухне с молотком и подбиваю вылезшие гвозди. А когда я, распустив слюни, горестно пожаловался ей на бяку-дом, который меня уже задолбал, Маринка шлёпнула себя по лбу и с возгласом:

— Вот же я дура, а! Про хозяина-то я и забыла! — вытаскивала из стенки тарелочку, налила в неё молока и поставила в угол кухни, потом постелила салфетку и положила на неё кусок хлеба и несколько конфет.

Я, вытаращив глаза, смотрел на эти её приготовления, и когда она закончила портить продукты, сказал:

— Знаешь, я, пожалуй, склонен согласиться с тем утверждением, которое ты сама связала со своей головой.

Марина ничего не ответила, она села на стул и устала в угол, а потом вдруг начала улыбаться.

— Я просто забыло про это! — наконец сказала она. — Бабулина смерть меня вышибла из колеи, и я забыла про него. Но сейчас всё наладится. Он просто напоминал нам о себе.

Я ещё больше выпучил глаза на жену и, заикаясь, прошепел:

— Прости, милая. Я не совсем понял. Ты это о ком сейчас говорила?

Не переставая улыбаться, Марина ответила:

— О домовом, о ком же ещё?

Я бочком подобрался к жене, перекрестил её молотком и, потрогав лоб, спросил:

— Ты как себя чувствуешь?

Маринка внимательно посмотрела мне в глаза и тихо сказала:

— А я ведь помню, как играла с ним. Я сидела вот на этом самом месте, отвернувшись от его угла, и когда краем глаза замечала какое-то движение, резко поворачивалась, но так ни разу увидеть его и не смогла! — Маринка тяжело вздохнула. — Несколько раз только видела, как тень мелькает. Он знал, что я с ним играю, поэтому и позволял мне его тень увидеть.

И действительно — дом пришёл в норму! И как бы я ни пытался себе это объяснить, правдоподобного объяснения я не находил. Я много думал об этом, думал, думал, пока мне самому этот идиотизм не надоел. И тогда я в один прекрасный момент, дождавшись, когда жена уйдёт на работу, взял заботливо поставленную в угол тарелочку, вылил из неё молоко, помыл и поставил на место, подобрал хлеб. И громко заявил:

— Я не верю! Бред! Домовых не бывает!

Но я ошибался: они бывают, и ещё как бывают. Домовой объявил мне войну.

Дома у меня не получалось ничего! За что бы я ни брался, всё выходило через одно известное всем место! Я даже гвоздь забить спокойно не мог, не согнув его раза три. Мне под ноги попадалась вся мебель, которая у нас была в доме. Я умудрился прищемить себе пальцы всеми дверями, окнами и

дверцами, какие смог только найти. Я падал, спотыкаясь о ковёр или об обувь, неизвестно как оказавшуюся посреди дома. Я падал, наступая на кожуру бананов, которые очень любил, и кожура от них оказывалась разбросанной в самых неподходящих местах. Продержавшись месяц, я сдался и опять побрёл жаловаться и пускать обиженные пузыри перед любимой женщиной. Я знал: она меня пожалеет и поможет мне. «Мачо» из меня вышел так себе. Никакой, в общем...

Так и получилось. Когда Марина, закончив меня утешать, выбралась из постели, она позвала меня с собой и, заведя на кухню, сказала:

— Молоко, хлеб, конфеты! Он любит сладкое! Конфеты только шоколадные! Что и куда ставить, ты видел. Потом садись где-нибудь и начинаешь вслух говорить, каким ты был балбесом, что усомнился в нём. Всё ясно? — уставилась на меня Маринка.

— Всё... — пробурчал я. — Иди уже!.. Сам справлюсь.

Жена засмеялась и вышла из кухни. А я, чувствуя себя полным идиотом, налил в тарелку молока, поставил в угол и точно так же, как это делала Марина, положил на тряпицу кусок хлеба и три конфеты. Потом сел рядом, опёрся спиной о тумбу гарнитура и, чертыхаясь мысленно, начал говорить сам с собой вслух. Нёс всякую чушь, в основном о том, какой я дурачок, что не поверил в домового. Когда запас нелицеприятных эпитетов иссяк, я посмотрел в угол и сразу же рванулся прочь из кухни, но в дверях споткнулся о собственные ноги, упал и, не поднимаясь, на карачках выполз из кухни в холл. Жена сидела на диване, поджав ноги, и читала. Увидев меня в таком интересном положении, она хмыкнула, отложила книгу и с неподдельным интересом спросила:

— Что на этот раз?

Я, сидя на полу, привалился спиной к дивану и, ткнув пальцем в сторону кухни, прошептал:

— Конфеты и хлеб пропали! Я их положил туда!.. А они взяли и пропали.

Марина улыбнулась и погладила мою бедную голову.

— Тебе повезло! Он принял твои извинения.

Я судорожно, со всхлипом, вздохнул. Теперь я верил. Сам, можно сказать, видел.

Время шло, жизнь вошла в норму и текла так, как ей и положено, с радостями и огорчениями, с визитами к нам в гости бабушки и дедушки нашего сына, во время которых Марина с непроницаемым лицом выслушивала жалобы мамы на вечную нехватку денег и сочувственно ей поддакивала.

На мою свободу жена не посягала, она с самого начала предложила мне работать вместе с ней либо найти на её фирме то, что мне подойдёт. Я отказался от всего: я опер, и мне это нравится. На работе я гораздо легче, чем другие, переносил судорожные «заскоки» руководства, так как за моей спиной, как скала, стояла тонкая фигурка моей жены с нехилыми банковскими счетами.

Особенно мне нравилось, когда я на работе получал какие-нибудь травмы! Я далёк от мазохизма, но когда Маринка обнаруживала на моём теле какие-то повреждения — ссадины или синяки, она поднимала визг и начинала жалеть меня — долго и нежно! И я иногда даже подумывал о том, чтобы периодически самому себя избивать — уж больно мне нравилась Маринкина жалость ко мне.

Прошёл уже целый год, сыну исполнилось четыре, и я практически не думал о том, что, кроме нас, в доме ещё кто-то живёт. Самым естественным образом два раза в неделю на кухне, в углу, мы оставляли угощение домовому, даже не думая о нём. Привычка выработалась.

Но в один далеко не прекрасный момент он сам о себе напомнил.

Я играл с сыном в прятки. Он должен был спрятаться, пока я сижу на диване, закрыв рукой глаза, и считаю до десяти. Я закрыл глаза и начал считать, сын, заверещав, помчался в сторону кухни, топая ножками по полу, как маленький слон! Не определить, куда он побежал, было невозможно! Маринка, которая сидела в кресле и смотрела телевизор, засмеялась, услышав возню в кухне, а потом я услышал, как там брякнула доска. Уже поняв, что

произошло, я рванул в кухню и с разбегу прыгнул в сторону открытого подвала!..

Я не успел! Мелькнули ножки сына, и он ухнул в подвал!.. Я в ужасе заглянул в люк и не поверил своим глазам! Сын висел в воздухе вниз головой, зацепившись за какую-то торчащую из темноты, похожую на толстую проволоку штуковину ножкой. Я буквально свалился вниз, подхватил ребёнка и, пытаясь отцепить сына от этой проволоки, схватился за неё рукой. Сначала я ничего не понял, потряс её, подёргал, а потом вдруг почувствовал, как она начала шевелиться. И только тогда я обратил внимание на то, что это что-то покрыто тёмной шерстью, я чувствовал эту шерсть под своей ладонью. Я замер, ещё не совсем понимая, что это такое, и вдруг увидел, как разжимаются пальцы, удерживающие моего сына за ножку! Это были корявые, густо заросшие шерстью пальцы с бугристыми чёрными ногтями.

Перехватив сына вверх головой и прижав его к груди, я медленно повернулся спиной к тому месту, куда спряталась рука, стараясь своим телом отгородить ребёнка от этого. Потом я медленно повернул в ту сторону голову и увидел, как на меня смотрят два мерцающих в темноте больших круглых глаза. Я отвернулся и замер, через тельце ребёнка чувствуя, как бешено колотится моё сердце.

Сверху спустилась Маринка; увидев, что с ребёнком всё в порядке, запричитала и, опять забравшись на лестницу, приняла у меня ребёнка и выбралась наверх. Я вылетел из подвала в один прыжок и тут же отскочил от люка подалее. Видимо, увидев мои глаза, Марина спросила:

— Что? Что там было?

Я показал пальцем в сторону подвала и прошипел:

— Там... это... чёрная рука... сына... за ножку поймала... не дала ему упасть...

Маринка несколько секунд смотрела мне в глаза, потом сунула сына мне в руки:

— Держи, я сейчас!

И начала судорожно искать по шкафам конфеты и ссыпать их в пакет.

— Ты чего делаешь? — забеспокоился я, наблюдая за мечущейся по кухне женой.

— Его надо отблагодарить, — выдохнула Маринка, — и чем быстрее, тем лучше. Он поймёт, что мы оценили его поступок.

— Так это что, я домового, что ли, видел? — наконец-то дошло до меня.

— Да!.. Так, достань масло!

Приготовив гигантский бутерброд из половины батона, жена залезла в подвал со всем этим добром. Я держал сына на руках и со страхом смотрел на люк, из которого доносился приглушённый Маринкин голос. Сам я, наверное, никогда в жизни больше не залезу в этот подвал! И только я это подумал, как вдруг понял, что мне не страшно. И там, в подвале, тоже не было страшно! Вернее, мне было страшно за ребёнка, страшно потому, что он мог разбиться! А сердце у меня колотилось от неожиданности и от неизвестности того, с чем я столкнулся. Марина вылезла из подвала, положила на место доски и, встав, сказала:

— Всё нормально, принял. Он доволен!

Потом мы вышли в холл, уселись на диван и несколько минут молчали. Я не выдержал и заговорил первым:

— Я сейчас поеду в хозяйственный, куплю шарниры и замок. Сделаю из этих же досок крышку, и будем её замыкать! Не хочу, чтобы ребёнок ещё раз в эту яму завалился!..

— Да, это правильно, — согласилась Марина, — тем более что через семь месяцев появится ещё один! И мне не хотелось бы лишний раз их няньку напрягать.

— В смысле — «их няньку напрягать»? — начал тупить я.

Маринка улыбнулась, перебралась ко мне на колени и, уткнувшись мне в шею, прошептала:

— В том смысле, что рожать теперь можно сколько угодно! Что я, собственно, и собираюсь в очередной раз сделать. Дети отныне будут под присмотром!

Потом она отстранилась от меня, внимательно осмотрела и, усмехнувшись, добавила:

— Ну и ты тоже!